

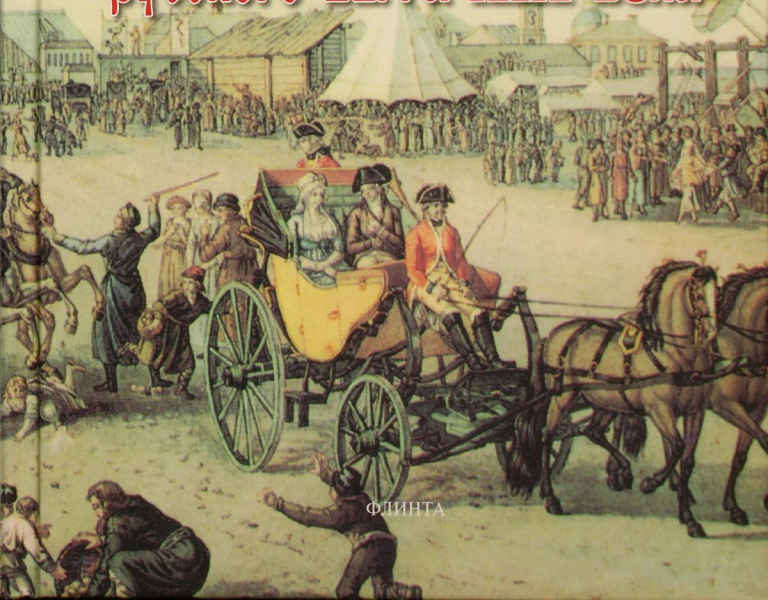
63.5я2

Ф33

СА-400996

Ю.А. Федосюк

**ЧТО НЕПОНЯТНО
У КЛАССИКОВ
ИЛИ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РУССКОГО БЫТА XIX ВЕКА**

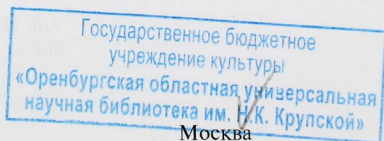

ФЛИНТА

Ю.А. Федосюк

**ЧТО НЕПОНЯТНО
У КЛАССИКОВ,
или
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РУССКОГО БЫТА
XIX ВЕКА**

21-е издание, стереотипное

Издательство «ФЛИНТА»

2023

СА-400996

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

История этой книги не совсем обычна. Она началась еще в 1959 году с письма, которое 39-летний филолог и журналист Юрий Федосюк написал в редакцию журнала «Вопросы литературы». «Сотни выражений, встречающихся в сочинениях русских классиков и отражающих общественные отношения и бытовые особенности дореволюционной России, становятся для все более широкого круга современных читателей «камнем преткновения» — либо непонятными вовсе, либо понимаемыми превратно <...> — говорилось в этом письме. — Мне, знакомому лишь с метрической системой, неясно, богат или беден помещик, владеющий двумястами десятин земли, сильно ли пьян купец, выпивший «полштофа» водки, щедр ли чиновник, дающий на чай «синенькую», «красненькую» или «семитку». Кто из героев выше по положению, когда одного титулуют «ваше благородие», второго — «ваше сиятельство», а третьего — «ваше превосходительство»? Отдельные события того ли иного романа происходят в «Успеньев день» или «на Фоминой неделе», но если тут не дается описания природы, мне непонятно ни время года, ни хронология событий». Завершая письмо, Ю. Федосюк призывал ученых — филологов и историков начать работу над специальным справочником по истории русского быта, который помогал бы широкому кругу читателей, и прежде всего учителям литературы, студентам и школьникам, «глубже постигать произведения классиков, оживив многие строки, потускневшие из-за того, что содержащиеся в них понятия сданы в архив нашей эпохой».

Письмо было сочувственно встречено специалистами: журнал «Вопросы литературы» опубликовал его в № 6 за 1959 год под заглавием «Такое пособие необходимо», однако содержащийся в нем призыв к ученым, похоже, не был ими услышан. Шли годы, а крайне необходимое, по мнению Ю. Федосюка, всем читателям русской классической литературы пособие все не появлялось на свет. И тогда, спустя четверть с лишним века после своей публикации в «Вопросах литературы», Юрий Александрович Федосюк, к тому времени уже хорошо известный среди филологов и историков своими книгами по этимологии русских фамилий (Что означает ваша фамилия? — М., 1969; Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. — М., 1972; переиздано в 1981 и 1996 гг.) и по истории Москвы (Бульварное кольцо. — М., 1972; Лучи от Кремля. — М., 1978; Москва в кольце Садовых. — М., 1982; переиздано в 1991 г. и др.), решает реализовать свою давнюю идею сам.

В 1989 году работа над новой книгой была завершена, но судьба ее, к сожалению, неожиданно оказалась очень нелегкой. Рукопись была передана одному авторитетному государственному издательству, которое вначале по причине финансовых трудностей, а затем, увы, из-за недобросовестности и некомпетентности сотрудника, ответственного за выпуск книги, так и не смогло издать ее. Между тем договор, заключенный с издательством, а также многочисленные уверения в том, что книга вот-вот будет выпущена, долгое время не давали возможности вначале самому автору (он умер в 1993 году, так и не дождавшись выхода книги), а затем и его наследникам попытаться издать ее в другом месте.

За минувшие со времени написания книги годы интерес к отечественной истории и культуре в России заметно вырос, а идеологические барьеры, которые некогда не давали авторам и издательствам возможности удовлетворять этот интерес читателей, исчезли. Были изданы такие книги, как «Беседы о русской культуре» Ю.М. Лотмана (СПб., 1994), «Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половине 20 вв.» Р.М. Кирсановой (М., 1995), «Словарь редких и забытых слов» В.П. Сомова (М., 1996), словарь-справочник «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» под редакцией Р.П. Рогожниковой (М., 1997) и др. Однако книга, которую вы сейчас держите в руках, не совпадает по форме и содержанию ни с одной из них. Перед вами одновременно и увлекательный рассказ о том, как жили в старину наши предки, который автор снабдил многочисленными примерами из хорошо известных произведений русской классической литературы, и крайне необходимый исторический комментарий к этим произведениям, благодаря которому читатель сможет гораздо глубже понять их содержание.

Завершая это небольшое вступительное слово, мне хотелось бы выразить свою благодарность Марине Ивановне Лабзиной и Татьяне Михайловне Тумуровой за их труд по редактированию книги во время первой, к сожалению, не увенчавшейся успехом попытки ее издания. Я глубоко признателен издательству «Флинта», которое, получив от меня рукопись, любезно согласилось оперативно выпустить в свет книгу моего отца, так долго ждавшую своего читателя. Кроме того, считаю своим приятным долгом искренне поблагодарить Сергея Ивановича Кормилова, Эрика Иосифовича Хан-Пиру, Игоря Георгиевича Добродомова, Льва Иосифовича Соболева, Геннадия Юрьевича Сковрцова и Сергея Александровича Божкова: внимательно ознакомившись с предыдущими изданиями этой книги, они высказали свои замечания, которые дали возможность внести в текст целый ряд уточнений и исправлений.

М.Ю. Федосюк

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Погружаясь в богатый и многообразный мир русской классической литературы, молодой человек, часто незаметно для себя, сталкивается с трудностями. Ее страницы, как на машине времени, переносят нас в давние времена, когда и общественное устройство, и быт, и сами люди заметно отличались от нынешних. Поэтому произведения классиков воспринимаются нами не столь легко и просто, как современниками автора — теми читателями, для которых были написаны. Сложны для понимания как особенности описываемой эпохи, ее законы и приметы, так и отдельные слова и понятия, исчезнувшие из обихода или изменившие свой смысл.

Русская литература и отечественная история — родные сестры. В нашем сознании они идут рука об руку. Не сможет читатель понять до конца «Мертвые души» Н.В. Гоголя или «Анну Каренину» Льва Толстого, не имея представления о времени их действия, ничего не зная о крепостном праве или о пореформенной эпохе. Поэтому без знания отечественной истории трудно понять русскую литературу, знание же литературы облегчает понимание истории, оживляя ее образами, диалогами и красками.

Постижение произведения невозможно без того, чтобы слова не превратились в нашем сознании в зрительный образ или отвлеченное понятие. Вот спешит Евгений Онегин к умирающему дяде, «летя в пыли на почтовых». А что означает строка: «...Стремглав по почте поскакал...»? (Можно ли в наши дни «скакать по почте»?) Что за управитель сообщил герою о том, что «дядя при смерти в постеле»? Что представляет собой усадьба дяди, штофные обои в его гостиной? Наконец — и это особенно важно, — что значат слова «...Ярем он барщины старинной / Оброком легким заменил...»? Короче: что ни строфа — то загадки, большие и малые, а между тем весьма существенные для уяснения смысла повествования, времени действия, психологии героев.

Из этих частностей и складывается та неповторимая картина, которая позволяет нам наслаждаться художественным произведением, отчетливо видеть и понимать действие.

Да, люди всегда были людьми, они дружили и враждовали, трудились и развлекались, уступали или боролись, защищая свои жизненные идеалы — без этих общих с нами черт незачем было бы читать и перечитывать произведения о далеком прошлом. Но вот исторические условия, вся обстановка их жизни в очень многом отличались от современных.

Теперь читателю ясно, для чего написана эта книга. Для того, чтобы облегчить восприятие русской классической литературы, убрав слегка заставшую ее дымку времени, затрудняющую понимание. Для кого эта книга написана? Для вступающего в жизнь молодого человека, растущий интерес которого к родной литературе, как и к отечественной истории, естествен и закономерен, особенно в наше время.

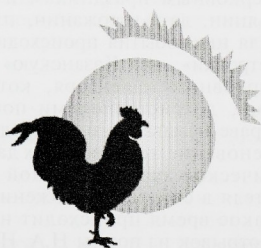
Книга разделена на тематические главы, которые позволяют получить сведения о тех или иных фактах прошлого не отрывочно, а в их исторической совокупности, взаимосвязанно. Тем самым она может служить не только учебным пособием по литературе, но и простейшим справочником по истории общественных отношений и быта России от конца XVIII века до начала века XX. При этом она почти полностью опирается на материал русской классической литературы.

Книгу не обязательно читать подряд, от первой до последней строчки. Достаточно ознакомиться с интересующими вас главами или абзацами из этих глав. В конце помещен алфавитный указатель толкуемых в книге слов. Встретив в тексте того или иного произведения непонятное слово, читатель легко найдет страницу, где оно разъясняется, причем разъясняется тоже на примере художественного текста.

Эта книга — один из первых опытов справочного пособия подобного рода. Поэтому едва ли она застрахована от неполноты или некоторых неясностей. Но хочется верить, что читателю будет интересно войти в увлекательный мир быта прошлых веков.

Глава первая

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Церковный календарь

Время свыше суток и в пределах года мы отмеряем по месяцам и дням. У наших вовсе не дальних предков было другое счисление — по церковным праздникам и постам. Простой, неграмотный крестьянин, да и горожанин, плохо разбирались в числах и месяцах, для них события происходили «на Сретенье», «на Егория», «в Петровки», «на Казанскую» и т.п., то есть по памятным дням церковного календаря, который тесно переплетался с древними, дохристианскими поверьями и приметами, отчего мы вправе называть его и народным.

Народное наименование тех или иных дат нашло широкое отражение в классической художественной литературе, ставя современного читателя в сложное положение: мы плохо представляем себе, в какое время происходит названное событие. Вот показательный отрывок из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: простая крестьянка Матрена Тимофеевна рассказывает семи мужикам-странникам о своей многотрудной жизни, изредка озаренной и светлыми воспоминаниями о детстве, замужестве, материнстве. Муж ее работает в Питере печником.

*Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день.*

Зиму супруги провели в деревне, а затем

*Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.*

Кроме указаний на зиму, упомянутые праздники нам ничего не говорят. Слушателям-мужичкам, как и читателям — современникам Некрасова, все было предельно ясно. Поясним: день святой **Екатерины** отмечался 24 ноября старого стиля (7 декабря нового), **Благовещение** — 25 марта (7 апреля), осенний праздник иконы **Казанской Богоматери** — 22 октября (4 ноября).

Не было дня в году, не отмеченного поминовением какого-либо одного, а чаще нескольких святых или иным событием христианской мифологии. Поэтому народ прекрасно обходился без привычных для нас дат: числа и месяца.

Провинциальное дворянство тоже плохо разбиралось в официальном календаре. Вот что пишет об окружении своего героя И.А. Гончаров в романе «Обломов»: «Они вели счет времени по праздникам, по временам года, по разным семейным и домашним случаям, не ссылаясь никогда ни на месяцы, ни на числа. Может быть, это происходило частью из-за того, что, кроме самого Обломова (имеется в виду отец маленького Ильи. — Ю.Ф.), прочие все путали и названия месяцев, и порядок чисел».

Старый и новый стиль

Вы уже заметили: современные даты упомянутых некрасовской Матреной Тимофеевной праздников приведены по старому и новому стилю, то есть календарю. В чем их различие?

В юлианском календаре, введенном римским императором Юлием Цезарем в 45 году нашей эры, год (то есть время полного оборота Земли вокруг Солнца) был подсчитан не вполне точно, с превышением на 11 минут 14 секунд. За полторы тысячи лет, несмотря на поправку в три дня, сделанную в XIII веке, эта разница составила десять суток. Поэтому в 1582 году римский папа Григорий XIII приказал выбросить из календаря эти десять суток; григорианский календарь («новый стиль») был введен в большинстве стран Западной Европы, а затем и Америки. Однако Россия не согласилась с поправкой, сделанной главой католической церкви, и продолжала придерживаться юлианского календаря. Новый стиль в России ввела советская власть в феврале 1918 года, когда разница в календарях достигла уже 13 суток. Тем самым летосчисление страны было приобщено к общеевропейскому и американскому. Русская православная церковь реформы не признала и до сих пор продолжает жить по юлианскому календарю.

Итак, разница между календарями в XX и XXI веках составляет 13 дней, в XIX веке она равнялась 12 дням, в XVIII — 11. С 1 марта 2100 года разница между старым и новым стилем достигнет уже 14 дней.

При чтении старой русской литературы разницу между официально принятым в России григорианским календарем и старым, юлианским, полезно учитывать. Иначе мы не вполне точно будем воспринимать время, когда происходят события, описанные у наших классиков. Вот примеры.

Сегодня нередко, услышав раскаты грома в первые дни мая, люди цитируют начало известного стихотворения Ф.И. Тютчева «Весенняя гроза»: «Люблю грозу в начале мая...» При этом мало кому приходит в голову, что стихотворение написано в XIX веке, когда май в России начинался 13 мая по нынешнему календарю (разница в 12 суток) и гроза в средней полосе страны вовсе не редкость. Поэтому Тютчев, описывая первую грозу в начале (а по-нашему в середине) мая, ничуть ей не удивляется, а только радуется.

В рассказе И.С. Тургенева «Стучит!» читаем: «...дело было в десятых числах июля и жары стояли страшные...» Сейчас нам ясно, что по-нынешнему речь идет о двадцатых числах июля. В другом произведении Тургенева, романе «Отцы и дети», говорится: «Наступили лучшие дни в году — первые дни июня». Добавив 12 дней, читатель легко поймет, какое время года по современному календарю Тургенев считал лучшим.

В дальнейшем изложении даты старого и нового стиля мы будем давать через дробь.

Праздники и посты

Всего главных христианских праздников в году насчитывается двенадцать, по-церковнославянски — дванадесѣть или дванадесять. Отсюда каждый из них назывался **дванадесятым** (дванадесятым).

К дванадесятым праздникам относятся: Вход Господень в Иерусалим, или Вербное воскресенье, Вознесение, Троица (переходящие); Крещение (Богоявление), Сретение, Благовещение, Преображение, Успение, Рождество Богородицы, Воздвижение, Введение и Рождество Христово (непереходящие). Главный православный праздник — Пасха Христова — стоит особняком, в число дванадесятых праздников не входит.

В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» помещик Оболт-Оболдуев с умилением вспоминает свою богатую и привольную жизнь при крепостном праве:

*Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.*

Действительно, устроить у себя в доме дорогостоящее многочасовое богослужение — **Всенощную**, продолжавшуюся с вечера до полуночи, а то и позднее, мог себе позволить далеко не каждый помещик.

Разъясним (в календарном порядке) основные праздники и посты, широко отмечавшиеся и соблюдавшиеся в дореволюционной России и отраженные в русской классической литературе.

Главным зимним многодневным праздником были **святки**, продолжавшиеся от Рождества Христова (25 декабря / 7 января) до Крещения (6/19 января). Это время было короткой передышкой в сельских работах, кратковременным периодом относительного достатка в большинстве семей и сопровождалось массовыми народными увеселениями. «Настали святки! То-то радость!» — писал Пушкин в «Евгении Онегине».

У древних славян-язычников то была пора очищения от скверны, дни уборки и мытья, а затем праздничных пиршеств с жертвоприношениями богам.

Накануне **Рождества**, то есть дня рождения Иисуса Христа, в **сочельник**, молодежь ходила по улицам, распевала особые песни — **колядки**, плясала перед хатами, выпрашивая у хозяев угощение и мелкие деньги. Этот обычай красочно описан в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством».

На святках молодые люди облачались в шкуры различных животных, надевали маски, изображая собой нелепых чудищ и уродов. Хождение по домам ряженных показано в комедии «Бедность не порок» А.Н. Островского. Святочное веселье с ряжеными в имении Ростовых, а затем Мелюковых колоритно нарисовано Л. Толстым в «Войне и мире» (Т. 2. Ч. 4-я. Гл. X).

Праздником **Крещения**, или **Богоявления**, поминается обряд крещения Иисуса Христа, то есть погружения его в священную реку Иордан; при этом, согласно Евангелию от Матфея, Иисусу явился Дух Божий в виде голубя — отсюда Богоявление.

На Крещение девушки собирались отдельно от парней, чтобы гадать о будущем, прежде всего о суженом — безвест-

Г л а в а в т о р а я

РОДСТВО, СВОЙСТВО, ОБРАЩЕНИЕ

Термины родства и свойства

«Мама, папа» — первые слова, сменяющие младенческий лепет, самые нужные и любимые. Затем в языке ребенка появляются баба (бабушка), деда (дедушка), а повзрослев, он усваивает такие понятия, как сын, дочь, брат, сестра, дядя, тетя и т.п. Они обозначают отношения людей по родству, называются по-научному **терминами родства** и известны каждому. Вместе с ними еще живы в языке **термины свойства**, указывающие на отношения людей, возникшие в результате брачного союза — отношения одного из супругов с родственниками другого, а также между родственниками обоих супругов. Сегодня многие из этих терминов, в старину широко известные и встречающиеся в литературе постоянно, понятны не каждому. Приведем объяснительную табличку терминов свойства; они важны для уяснения родственных связей персонажей русской литературы.

Свекор — отец мужа.

Свекровь — мать мужа.

Тесть — отец жены.

Теща — мать жены.

Зять: 1) муж дочери; 2) муж сестры.

Сноха — жена сына по отношению к его отцу, реже — по отношению к его матери.

Невестка: 1) жена брата; 2) жена сына по отношению к его матери, реже — по отношению к его отцу; 3) жена одного брата по отношению к жене другого брата.

Шурин — брат жены.

Деверь — брат мужа.

Золовка — сестра мужа.

Свояченица — сестра жены.

Свояк — муж сестры жены.

Сват — отец жены сына или мужа дочери.

Сватья — мать жены сына или мужа дочери.

Кажется, невелика мудрость запомнить, но вряд ли кто из современных молодых людей точно объяснит все эти четырнадцать терминов. Некоторые из них забываются, отмирают. Между тем для наших предков это были живые, общепонятные слова.

Причины забвения различны. Одна из них — ослабление связей внутри рода по сравнению с патриархальными родственными связями в старые времена. Другая причина — двойственное, расплывчатое значение некоторых терминов. Не случайно в современной юридической терминологии они не допускаются.

Возьмем слово «зять». В наше время оно применяется чаще все-го в значении муж дочери; значение муж сестры отошло на задний план. Язык не любит двойственности, ведущей к путанице.

В трагедии Пушкина «Борис Годунов» Шуйский с ненавистью говорит о царе Борисе:

*Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач.*

Кем же приходится Борис Годунов Малюте? Мужем его дочери или сестры? Текст трагедии ничего нам не объясняет. Только обратившись к историческим источникам, мы узнаем, что жена Бориса Мария была дочерью Малюты.

А вот другой пример: гоголевского Ноздрева сопровождает чудаковатый зять Мижуев. Кто он: муж дочери Ноздрева или муж его сестры? Судя по возрасту Ноздрева (35 лет), вряд ли у него могла быть взрослая, замужняя дочь. Можно не сомневаться, что Мижуев — муж сестры Ноздрева. Это подтверждается и дальнейшим текстом, из которого узнаем, что покойная жена Ноздрева оставила ему двух ребятишек, за которыми присматривает нянька.

Кстати, зятем именовался и муж золовки, то есть сестры мужа. Вот и третье значение слова «зять»!

Неоднозначно и слово «сват»; так назывались и мужчины, посланные к родителям девушки с брачным предложением от молодого человека, посредники в устройстве брака. Как постоянным ремеслом таким посредничеством занимались женщины-свахи, с которыми мы хорошо знакомы по комедиям Островского. Очень яркий образ **свахи** вывел Гоголь в комедии «Женитьба». Но сваху со сватьей не путаешь, тут слова разные, а вот для свата-посредника и свата-родителя слово одно и то же. В «Русалке» Пушкина выведен Сват, устроивший брак Князя. Вромане «Пошехонская старина» Салтыков-Щедрин пишет: «Были и сваты, хотя для мужчин это ремесло считалось несколько зазорным».

Пушкин оставил нам неразрешимую загадку в «Сказке о царе Салтане», назвав злую Бабариху *сватьей бабой*. Из дальнейшего

повествования следует, что она приходится бабушкой царевичу Гвидону, то есть матерью царице. Но кому она сватья? Салтану она теща, а о родителях царя, кому она, бесспорно, приходилась бы сватьей, в сказке речи нет. Почему же так пристало к Бабарихе звание «сватья»? Слово это изредка употреблялось и в значении «сваха», но ни из чего не видно, чтобы Бабариха занималась сватовством.

У Л. Толстого в повести «Хаджи-Мурат» Николай I, самодовольно размышляя о своей роли в делах не только России, но и Европы, «вспомнил про шурина, прусского короля, и его слабость и глупость и покачал головой». Знание слова шурин пояснит нам многое: исторически верно, что Николай I был женат на сестре короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV, который, таким образом, был его шурином.

В «Анне Карениной» термины родства и свойства постоянно определяют семейные отношения персонажей: Стива Облонский — шурин Каренина и зять Щербацкого, Кити — свояченица Стивы, Долли — невестка Анны и свояченица Левина, Стива и Левин — свояки, Каренин — зять Стивы, Анна — золовка Долли и т.д. Вот тут-то и полезно заглянуть в таблицу.

Смешение терминов

Путались и затруднялись с терминами свойства не только в наши дни, но и в старину, особенно аристократы, привыкшие к французскому языку. В комедии Л. Толстого «Плоды просвещения» Толстая барыня говорит: «Брат моего мужа — как это называется? ...не beau-frère, а по-русски...не свекор, а еще как-то? Я никогда не могу запомнить этих русских названий...» Барыня забыла (или не знала) слово «деверь». Через эту деталь Толстой показывает, что высшее общество забывало свой родной язык.

Но не будем слишком строги к Толстой барыне: на страницах русской классики термины свойства нередко смешиваются и, вероятно, не случайно — так было и в жизни. В списке действующих лиц «Горя от ума» Хлестова названа свояченицей Фамусова, а обращается он к ней словом «невестушка» (т.е. невестка). Да ведь невестка — жена брата, тогда как свояченица — сестра жены! Не исключено, что здесь повлиял французский язык, где сестра жены и жена брата обозначаются одним словом — belle-sœur, так же, как одним словом beau-frère называются деверь и шурин.

Нередко смешиваются термины «невестка» и «золовка». Арина в «Утре помещика» Л. Толстого называет золовками жен своих братьев, то есть невесток (глава XI), а уж ей ли, кажется, деревенской старухе, не знать всех этих обозначений! Тут уж французский язык ни при чем. То же — в комедии Островского «На бойком месте»: Аннушка обращается к Евгении Мироновне словом «золовушка», хотя та ей не сестра мужа (которого у Аннушки и нет), а жена брата, то есть невестка.

В романе «Новь» Тургенева губернатор называет Маркелова зятем Синягина, а он брат его жены, то есть шурин. Замена термина «зять» на «шурин» встречается и у Куприна в «Гранатовом браслете». В его же романе «Юнкера» прямо говорится: «Александров провел остаток лета вместе с мамой у своего шурина, мужа сестры Зины...» Разумеется, не шурина, а зятя.

Очень показательна правка Пушкина, чрезвычайно ценившего точность слова, его «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях». В черновике старший богатырь просит царевну: «Одному женою будь, / Прочим ласковой золовкой. / Что ж качаешь ты головкой?» В чистовике это место исправлено так: «...Одному женою будь, / Прочим ласковой сестрою. / Что ж качаешь головою?» Пушкин вовремя заметил, что золовка — сестра мужа, а царевна стала бы женой одного из братьев, то есть невесткой другим. Слово «сестра» в образном смысле «названная сестра» (как выше в той же поэме употребляется «братец наш названный») показалось предпочтительней.

Смешение терминов не имеет отношения к замене подлинного термина более близким, как это мы только что видели у Пушкина — сестра вместо невестка. Иначе говоря, чтобы подчеркнуть теплоту отношений, термин свойства заменяется соответствующим термином родства. Подхалюзин в комедии Островского «Свои люди — сочтемся!» лицемерно называет тестя «тятенька», а тещу «маменька». Учитель Кулыгин в «Трех сестрах» А.П. Чехова обращается к сестре своей жены Ирине «дорогая сестра». Дед мужа Матрены Тимофеевны («Кому на Руси жить хорошо» Некрасова) ласково называет неродную ему Матрену внученькой. Такое явление можно наблюдать и в наши дни.

Чем, однако, объяснить встречающуюся даже у классиков путаницу в употреблении терминов свойства? Трудно заподозрить таких знатоков русского быта, как Тургенев, Л. Толстой и Островский, в незнании народного языка. Тут, несомненно, отражение живой языковой практики: термины эти смешивались в различных диалектах, строгого разграничения, например, понятий «невестка» и «золовка» не было, и писатели в своих произведениях передавали то, что сами слышали из уст «народа-языкотворца».

Глава третья

МЕРЫ И ВЕСА

Меры длины

До введения в 1925 году метрической системы мер и международной системы единиц в России действовали так называемые русские меры, которые постоянно встречаются в произведениях дореволюционной литературы. Нередко эти термины при чтении не вызывают у современного читателя никакого определенного представления.

Очень полезно разобраться и в них. Начнем с мер длины

Слово **«вершок»** знакомо каждому — нечто короткое, незначительное. О человеке незрелом, малыше до сих пор говорят: «От горшка два вершка». Слово происходит от «верх», то есть росток, всход — стебелек, пробившийся из земли. Мера вершка равна приблизительно 4,45 см.

Отправляясь к старухе-процентщице, «чтобы подвесить топор к пальто изнутри, Раскольников из рубашки выдрал тесьму в вершок шириной и вершков в восемь длиной». Такая тесьма тяжелый топор удержала (роман Достоевского «Преступление и наказание»).

Гринев, пишет Савельич его родителям, «ранен в грудь на полтора вершка», то есть более чем на шесть с половиной сантиметров.

О каторжниках в «Записках из мертвого дома» Достоевского: «На спине у каждого вышит черный круг вершка два в диаметре», то есть 9 сантиметров.

В романе «Воскресение» Л. Толстого в дверях тюремных камер «дырочки-глазки — в полвершка в диаметре».

Все это понятно. Но почему же тогда в «Муму» Тургенева о глухонемом богатыре дворнике Герасиме говорится, что он был «мужчина двенадцати вершков роста»? Стало быть, рост Герасима едва превышал полметра?

Но такая «несуразность» встретилась не только у Тургенева! Вот и в «Идиоте» Достоевского читаем о том, что в компании Рогожина явился «какой-то огромный, вершков двенадцати, господин».

Рослая сестра старухи-процентщицы Лизавета в «Преступлении и наказании» была «по крайней мере, восьми вершков росту».

Вэтом же романе Раскольников насмешливо называет своего приятеля, долговязого Разумихина, влюбленного в Дуню, «Ро-мео десяти вершков росту».

В «Сказке для детей» Лермонтова о величавом старике — хозяине большого дома говорится: «Он ростом был двенадцати вершков».

Двенадцати- и пятнадцативершковые гиганты обнаруживаются в русской литературе в изобилии. В «Что делать?» Н.Г. Чернышевского: «Никитушка Ломов, бурлак, был гигант 15 вершков росту, весил 15 пудов». О Головане, герое рассказа Лескова «Несмертельный Голован», узнаем: «В нем было, как в Петре Великом, пятнадцать вершков».

В чем тут секрет?

Дело в том, что в старину рост человека часто определялся в вершках свыше обязательных для нормального человека двух аршин (то есть 1 м 42 см). Таким образом, рост Герасима в «Муму» достигал 1 метра 95 см, рост Никитушки Ломова почти 2 м 09 см и т.д. Остальные примеры нетрудно перевести в сантиметры с помощью несложных арифметических действий по формуле: вершки в сантиметрах плюс 142 см.

В пьесе Горького «Мещане» машинист Нил притворяется, что не знает этого общеизвестного в те времена правила. Издеваясь над Еленой, которая хвалится тем, что муж ее «был двенадцати вершков роста», Нил замечает: «Он был так низок?» Современному зрителю смысл этой насмешки уже неясен.

Это же правило касалось и роста лошадей. «Лошади были крупные, четырехвершковые», — пишет С.Т. Аксаков в «Детских годах Багрова-внука». Разумеется, это не значит, что рост их равнялся 18 сантиметрам.

Пядь равнялась расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев. Конечно, у разных людей это расстояние было разным, мера пяди не могла быть точной. Договорились, чтобы пядь принимать за 4 вершка или за четверть аршина, но в практике эта мера применялась редко. Поэтому слово «пядь» и его вариант «**пядень**» в литературе встречается не в прямом, а в переносном значении, например, в поговорках «семи пядей во лбу», то есть высоколобый, очень умный, «ни пяди не уступлю» — не уступлю даже в самом малом и т.п. В драме А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» Борис Годунов говорит: «Королю ни пяди / Не уступили русской мы земли». Пугачев в «Капитанской дочке» Пушкина восклицает: «Кто из моих людей смеет обижать сироту?.. Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет».

Глава четвертая

ДЕНЬГИ И ЦЕННЫЕ БУМАГИ

От полушки до катеринки

Вряд ли в классической русской литературе найдется сколько-нибудь крупное произведение, в котором не упоминались бы денежные единицы, их заменители и кредитно-финансовые взаимоотношения персонажей. Этот слой лексики особенно труден для современного читателя — так многое в денежной и кредитной системе изменилось. Иные диалоги и фразы из классических произведений стали настолько непонятны, будто бы и не по-русски изложены. Вот, например, разговор о взятках в «Мертвых душах» Гоголя:

«Почему ж не дать? я готов четвертак, другой». — «Нет, не четвертак, а по беленькой... писарям и достанется по четвертаку, а остальное пойдет к начальству»... Прежде было знаешь по крайней мере, что делать: принес правителю дел красную, да и дело в шляпе, а теперь по беленькой, да еще неделю проводишься...»

Или слова защитника в «Братьях Карамазовых» Достоевского:

«...воротившийся после убийства в лавку приказчик сообщил полиции не только об украденной сумме, но и из каких именно денег она состояла, то есть сколько было кредиток радужных, сколько синих, сколько красных, сколько золотых монет и каких именно».

Фразы эти звучат для нас почти как алгебраические уравнения.

Начнем с элементарного — разъяснения официальных и неофициальных названий денежных единиц, от мелких к крупным.

Полушка — самая мелкая монета, 1/4 копейки. Существовала до 1917 года, в 1925—1928 годах снова была в обращении, но означала уже полкопейки. Слово обычно употреблялось в переносном значении — ничтожно малая величина, почти ничто. В «Домике в Коломне» Пушкина мнимая Маврушка, застигнутая за бритьем, «ушла, не взяв в уплату ни полушки». Вспомним и пословицу: «За морем телушка полушка, да рубль перевоз».

Деньга, денежка. Медная монета достоинством в полкопейки. В комедии Фонвизина «Бригадир» прижимистая Бригадирша поучает сына Ивана правильно вести расходы, не округляя выплачиваемых сумм: «Ты тамо не дашь уже пяти копеек, где надобно дать четыре копейки с денежкой».

Грош. Медная монета, до 1838 года — две копейки, потом — полкопейки. Чаше всего — синоним ничтожно малой суммы. Гоголевский Акакий Акакиевич «имел обыкновение со всякого истраченного рубля откладывать по грошу в небольшой ящик». «Ни в грош не ставить» — не уважать, не считаться с кем-либо. «Гроша медного не стоит» и т.п.

Копейка. Всегда равнялась одной сотой рубля.

Семитка, семишник, семак. Не семь, как можно подумать, а две копейки. Почему же в корне слова «семь»? До реформы 1838 года, сократившей курс в 3,5 раза, монета действительно равнялась семи копейкам. Курс изменился, а название осталось. Один из персонажей Глеба Успенского укоряет другого: «А ты, ученый, даже не знаешь, что такое семитка. Знай, это две копейки».

Алтын. Три копейки. Купец Брусков в комедии Островского «В чужом пиру похмелье» острит: «По-латыни два алтына, а по-русски шесть копеек». Другая комедия Островского, повествующая о неожиданном богатстве: «Не было ни гроша, да вдруг алтын». У Маши в «Капитанской дочке» Пушкина, по образному определению ее матери, приданого — «частый гребень, да венник, да алтын денег (прости Бог!), с чем в баню сходить».

Трехкопеечная монета называлась также **трынкой** и **трешником**. В «Декабристах» Л. Толстого говорится: «Во всех городах задавали с речами обеды севастопольским героям, и им же, с оторванными руками и ногами, подавали трынки». А «трешник» встречается у Некрасова: «По времени приладились / И к новому писцу. Тот ни строки без трешников, / Ни слова без семишников».

Пятак, пятачок. 5 копеек. Были и серебряные монеты такого достоинства. Дуня дала мальчику, который вызвался показать ей могилу отца, «пятак серебром» (Пушкин. Станционный смотритель).

Гривенник, в старом просторечии — гривна и грива — 10 копеек. В «Медном всаднике» Пушкина Евгений отправляется на другой берег Невы — «И перевозчик беззаботный / Его за гривенник охотно / Чрез волны страшные везет». Повествователь в «Истории села Горюхина» Пушкина пишет, что крупно выиграл в карты «в то время, как у меня в кармане оставалось рубль 6 грив». Скупая бригадирша в «Бригадире» Фонвизина уверяет, что «гривною в день можно быть сыту».

Пятиалтынный. $5 \times 3 = 15$ копеек. Актер в пьесе Горького «На дне», решивший бросить пить, радостно оповещает: «Вот они — два пятиалтынных, а я — трезв».

Двугривенный. $10 \times 2 = 20$ копеек. Художник Чартков покупает у купца роковой портрет старика «за последний свой двугривенный» («Портрет» Гоголя).

Четвертак. Четверть рубля, то есть 25 копеек. До 1917 года — ходячая серебряная монета. У Чехова в рассказе «В овраге» «бабы и девки возят на станцию кирпич и нагружают вагоны и получают за это по четвертаку в день».

Полтинник, полтина. Слова эти, обозначающие 50-копеечную монету, можно было услышать сравнительно недавно, в старину же слово «полтина» было официальным термином и чеканилось на лицевой стороне монеты.

Восьмигривенный. $8 \times 10 = 80$ копеек. Русской монеты в 80 копеек никогда не было: так называлась персидская серебряная монета в 4 абазы, ходившая у нас на Кавказе. Максим Максимович у Лермонтова обещает лакею Печорина «восьмигривенный» не случайно — дело происходит на Кавказе.

Несколько полуофициальных и неофициальных названий было у основной денежной единицы России — рубля. Чаще всего в литературе встречается **целковый** и **целковик**, но это не любой рубль, а рубль одной монетой, «целый». Городничий в «Ревизоре» Гоголя дает слуге Хлестакова Осипу «пару целковиков на чай» — подачка щедрая! Серебряный рубль иногда кратко именовался **монетой** и даже **монет** — в мужском роде. «Вот тебе десять монетов, поди к маркитанту», — говорит юнкер Гуськов солдату в рассказе Л. Толстого «Разжалованный»; это означает десять рублей. Бумажный рубль именовался **билетик**. Старуха-процентщица в «Преступлении и наказании» Достоевского укоряет Раскольникову: «За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно»; таким образом, ростовщица считает, что переплатила.

Старый петровский рубль именовался **крестовик** за то, что на нем были отчеканены расположенные крестом четыре буквы П («Петр»).

Слова **трехрублевик**, **трешница**, **пятитка**, **пятешница**, **пятирублевка** ясны без объяснений. Трехрублевая золотая монета называлась **червонцем** (вспомним выражение «червонное золото», то есть металл высокого качества). Пушкин писал Баратынскому: «Стих каждый в повести твой / Звучит и блещет, как червонец».

Понятия **золотой** и **полуимпериал** требуют расшифровки. «Все-таки полуимпериалов с сотню наберу у себя», — говорит Кучумов в «Бешеных деньгах» Островского. Много это или мало?

Оба названия применялись к пятирублевой монете, к концу XIX века **золотым** стали называть десятирублевую.

Вообще же монета достоинством 10 рублей имела несколько устойчивых обозначений. Золотая десятирублевая монета именовалась **империалом** (после 1897 г. империал стал стоить 15 рублей), **арабчиком**, **лобанчиком**. Откуда арабчик (или арапчик) — неясно, империал означает «императорский», а лобанчиком народ прозвал монету по равноценному ей французскому золотому, на котором была отчеканена голова одного из королей династии Бурбонов.

В комедии Островского «Свои люди — сочтемся!» купчиха обещает свахе за то, что та нашла жениха «благородного происхождения», «парочку арабчиков». В рассказе Лескова «Интересные мужчины» офицеры-картежники, в ожидании нового игрока, говорят: «Что же нам все свои лобанчики из кошелька в кошелек перелобанивать». Как видим, игра шла по крупной.

Четвертной называли 25 рублей (четверть от сотни). В чеховской «Свадьбе» за присутствие на свадьбе «настоящего генерала» была заплачена четвертная. Однако генерал оказался мнимым, а деньги присвоил посредник. В рассказе Чехова «Хороший конец» сваха жалуется: «Какие наши заработки? Ежели в скоромный месяц заработаешь две четвертных, и слава Богу». Обер-кондуктор, ищущий невесту, удивляется: «Пятьдесят рублей! Не всякий мужчина столько получит!» Дело кончается тем, что обер-кондуктор женится на самой свахе.

Реже о такой сумме говорили **угол**. Торгуясь с Чичиковым за мертвые души, Собакевич предлагает «угол». «То есть двадцать пять рублей? Ни, ни, ни, даже четверти угла не дам, копейки не прибавлю», — отвечает Чичиков.

Сторублевая ассигнация называлась **государственной** — на ней было напечатано: «Государственный казначейский билет», — или в обиходе **катеринкой** за то, что на ней был изображен портрет Екатерины II. Правда, «государственной» именовали и 500-рублевую ассигнацию за аналогичную надпись. Именно такую сумму денег имеет в виду Чичиков, рассуждая об умершем плотнике Степане Пробке, который «притаскивал всякий раз домой целковиков по сту, а может, и государственную зашивал в холстяные штаны или затыкал в сапог». Тут по контексту «государственная» — не те же «сто целковиков», а нечто гораздо большее.

ОГЛАВНЕНИЕ

Несколько слов об этой книге	3
Вместо предисловия	5

Глава первая НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Церковный календарь	8
Старый и новый стиль	9
Праздники и посты	10

Глава вторая РОДСТВО, СВОЙСТВО, ОБРАЩЕНИЕ

Термины родства и свойства	24
Смещение терминов	26
«Духовное родство»	28
Условные обращения	30
Отмирающие слова	31
Обращение между близкими и друзьями	32
Официальные и полуофициальные обращения	33
«Слово-ер-с»	35
Иные формы обращения	37

Глава третья МЕРЫ И ВЕСА

Меры длины	40
Меры площади	45

Меры веса	46
Меры емкости для сыпучих товаров	48
Меры объема жидкости	49
Температурная шкала	50

Глава четвертая

ДЕНЬГИ И ЦЕННЫЕ БУМАГИ

От полушки до катеринки	52
Два курса	56
Все цвета радуги	57
Ценные бумаги	58

Глава пятая

ЗЕМЛИ И ВЛАСТИ

Столицы, губернии, области	64
Министерства и иные присутственные места	66
Губернские власти	68
Уездные власти	70
Городская полиция	74
Волость и село	77
Пореформенные учреждения	80
Пореформенный суд	83
Жандармерия	85
Некоторые забытые должности	86

Глава шестая

ЧИНЫ И ЗВАНИЯ

Государственные служащие	90
Коллежский регистратор	93
Губернский секретарь	94
Коллежский секретарь	95
Титулярный советник	96
Коллежский ассессор	97
Надворный советник	99
Коллежский советник	100
Статский советник	101

Действительный статский советник	101
Тайный советник	102
Действительный тайный советник и канцлер	103
Чиновники XV класса	103
Чеховская «табель о рангах»	104
Придворные чины и звания	105
Неправильное титулование	107
Степени и звания в науке	108

Г л а в а с е д ь м а я

А Р М И Я И Г В А Р Д И Я

Рекрутская повинность	112
Гвардия	114
Военные чины	116
Офицерские чины	117
Разновидности войск	122
Формы и знаки различия	125
Реформа 1874 года	127
Кадеты, юнкера и кантонисты	127
Некоторые забытые слова	129

Г л а в а в о с ь м а я

О Р Д Е Н А И М Е Д А Л И

Ордена и их знаки	132
Иерархия орденов	140

Г л а в а д е в я т а я

Д В О Р Я Н Е И К Р Е С Т Ъ Я Н Е

Дворянское сословие	144
Титулованные дворяне	146
Не земля, а души	148
Помещичьи крестьяне	149
Штат дворовых	151
Управление имением	152
Охота	154

Одноворцы и вольные хлебопашцы	155
Опека и залог	156
Дворянское самоуправление	159
Крестьянская реформа	161

Г л а в а д е с я т а я **ДРУГИХ СОСЛОВИЙ ЛЮДИ**

Мещанство и купечество	166
Духовенство	170

Г л а в а о д и н н а д ц а т а я **КАК ОДЕВАЛИСЬ**

Костюм и время	174
Мужские костюмы	175
Женская городская одежда	183
Мужская крестьянская одежда	185
Женская крестьянская одежда	189
Некоторые детали туалета и прически	190
Бороды и усы	191
Ткани	192

Г л а в а д в е н а д ц а т а я **НА ЧЕМ ПЕРЕДВИГАЛИСЬ**

Средства передвижения	196
Упряжки	200
Виды экипажей	202
Масти лошадей	208
Железные дороги	209
Другие средства передвижения	211

Г л а в а т р и н а д ц а т а я **БЫТ И ДОСУГ**

Жилище	214
Внутри дома	216

Мебель	218
Освещение	220
Добывание огня	222
Мелкие вещи	223
Еда и напитки	224
Болезни и их лечение	225
Трактиры и иные заведения	227
Игры	230
Танцы и музыка	235
Театр	238
 Алфавитный указатель толкуемых слов	 241

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49